

??

Учитель Лучиани, Джованни Беллини представлен на выставке работой «Благословляющий Христос». В 2000 году она впервые фигурировала на людях как работа авторства позднего Джованни Беллини — в монографическом каталоге эксперта по его творчеству Анчизе Темпестини (Anchise Tempestini). Сначала работе приписывали авторство ученика Беллини — юного Тициана, находя внешнее физиономическое сходство Благословляющего Христа с Христом на картине Тициана «Оброк» (1516, Dresden, Gemaeldegalerie Alte Meister) и даже автопортретом Тициана. Работу атрибутировали по свету, у Беллини особенному — теплому и мерцающему, но одновременно настолько сильному, что со времен Беллини он освещает венецианские полотна Ренессанса. В свое время художник настойчиво и кропотливо перерабатывал технику нидерландской масляной живописи, пытаясь всячески ее усовершенствовать. Его поиски и упорство были вознаграждены, после чего на свете и появилась *его краска*, определившая палитру Венеции. Посетивший Венецию Дюрер писал о Беллини, когда тому было уже под семьдесят, что он очень стар, но все еще лучший художник. Свет его полотен был и божественной мудростью, и человеческим чувством, и просто светом, отраженным от звезд. О венецианской живописи даже существует алхимическая легенда, что в масляную краску добавляли растертое в порошок венецианское зеркало.

Учителями его были Беллини и Джорджоне, соперниками Микель Анджело и Рафаэль. Он, как видите, соединил в себе силу первого и нежность второго. Санти, впрочем, он недолюбливал...
Владимир Набоков. «Венецианка»

Тема выставки — Рафаэль, и она в первую очередь связана с открытиями и находками. «Святое семейство с агнцем» Рафаэля известен в нескольких версиях, наиболее знаменита среди которых — мадридская (1507, Прадо). Выставленная гамбургская версия сюжета приближена к мадридской и представляется писанной одной рукой, но, вероятно, неоконченной — нет нимбов у Младенца и Иосифа, нет датировки. Пока этот холст атрибутируется как работа, вышедшая из мастерской Рафаэля и требует дальнейших экспертиз.

С аналогичными параметрами атрибутирования — Рафаэль и мастерская — выставлена другая находка: «Мадонна с гвоздиками (Madonna die Garofani)», вдохновением для которой послужила наша леонардова Мадонна Бенуа (1478, Эрмитаж), о популярности образа которой свидетельствуют бесчисленные копии XVI столетия. «Мадонна с гвоздиками» выполнена в мастерской Рафаэля и по его собственному рисунку.

Еще одно событие — «Иоанн Креститель в пустыне», тематически соответствующий раннему рафаэлевскому «Иоанну», находящемуся в Лувре. Эта работа сейчас приписывается позднему Рафаэлю, когда в рафаэлевской мастерской его образы могли воплощать работающие у него ученики. Таким образом, мир Рафаэля на выставке представлен самим гением, учениками, последователями, соперниками, папскими таможенными печатями и впитавшими запах каналов рамами. Для коллекционера Маттиаса Ханса это создает ощущение фактуры времени, которое формирует пространство, куда можно проникнуть.

Когда мне картина особенно нравилась, я становился прямо перед ней и сосредоточивал всю свою волю на одной мысли: вступить в нее. Мне, конечно, было жутко. Я чувствовал себя как апостол, собирающийся сойти из барки на водную поверхность.

Владимир Набоков. «Венецианка»

Господин Ханс рассказывает о рисунке «Святое семейство» Джорджо Вазари, купленном на одном из амстердамских аукционов в 90-е годы, копия с которого хранится в Лувре. О его необычном пурпурном грунте, возможно, подсмотренном у Леонардо, он говорит как о редчайшем вине, которое ему удалось испробовать и вкус которого сохранился в нем нотной записью. По образованию Маттиас Ханс му-

??

??

??

??

зыконт и композитор, и, узнав это, становятся понятными его слова о том, что для него любая работа — звучит. Он вспоминает с удовольствием, как однажды, еще шестнадцатилетним гимназистом, он с классной экскурсией оказался в Берлинской национальной галерее перед тремя рядом висевшими полотнами Мазаччо. То, что было в центре, звучало иначе. Тридцать лет спустя подтвердилось — центральная работа не принадлежала Мазаччо.

Господин Ханс выделяет три профессиональные фазы взаимоотношения коллекционера с произведением искусства. Сначала, при знакомстве с работой, это всего лишь импульс, похожий на эротический, потом — размышление и взвешивание рисков, подходящее на остросюжетную детективную историю, и следом — идентификация, настоящий пир для истинного коллекционера. Но, как мне показалось, для него во всех этих трех фазах главным остается общение с произведением, которое происходит тогда, когда он один на один с картиной, когда ночь, когда светит луна.

Собирать Маттиас Ханс начал очень рано, и его коллекция началась с эскиза маслом художника Юхана Кристиана Даля «Луна над Дрезденом». Луна, судя по всему, — один из личных мотивов его обширной коллекции, которая включает такое собрание произведений немецкого романтизма, что позволило в прошлом году организовать выставку «Каспар Давид Фридрих и окружение». В рабочем кабинете постоянно висит одна из лучших версий Фридриха — «Двое, наблюдающие за луной».

Любимое произведение для господина Ханса — всегда последнее. Только что он получил неатрибутированный портрет Гете, и поэтому Иоганн Вольфганг Гете — одна из сегодняшних тем, будоражащих его воображение. В коллекции Маттиаса Ханса есть самые разные составляющие гетевского быта и славы, например, несколько рисунков руки самого Гете, гипсовая маска, сделанная с лица гения при жизни и позже принадлежавшая Адельберту фон Шамиссо.

Присутствие здесь, в галерее, изобразительных проекций гетевского смысла, по-моему, связывает коллекцию и коллекционера. И мне, кстати, гетевская цитата из «Итальянского путешествия» тоже пришлась к замыслу: «Большой, извивающийся змеею канал не уступает ни одной улице на свете, так же как пространство перед площадью Св. Марка не знает равных себе на свете. Я говорю о большом водном зеркале, которое, как полумесяц, с одной стороны охвачено городом Венецией». И у него Венеция — рама.

В планах галереи — провести выставки, которые позволяет коллекция: посвященные Рембрандту, Дюреру и Гете.

P.S. Имена, представленные в частных художественных собраниях Европы и Америки, посвященных, хотя бы отчасти, искусству Возрождения, зачастую не уступают именам, перечисленным в каталоге какого-нибудь государственного музея небольшого, но древнего итальянского города. В коллекции Маттиаса Ханса хранятся работы, над которыми приятно поломать копья искусствоведам, — они представляют если не «стратегический», то серьезный интерес для изучения.

Скажем, рельефы Донателло знамениты не только своим *rilievo basso* («низким рельефом»), но и ускользающим нежным *rilievo schiacciato* («сплюснутым»), в котором фигуры почти что растворяются в фоне. В «Мадонне» собрания Ханса именно таковы ангелы, помещенные снизу.

Донателло умел все; он работал и с мрамором, и с бронзой. Свои самые удивительные рельефы — «Мадонну Пацци» и «Св.Георгия с драконом» — он исполнил в мраморе, однако большинство его «знаковых» рельефов — все же бронза. Самыми известными из бронзовых рельефов являются, пожалуй, работы для Сиенского баптистерия; двери старой сакристии флорентийского Сан Лоренцо с апостолами и святыми (считается, что в этих фигурах отразились впечатления художника от Флорентийского собора, на котором спорили представители Восточной и Западной церкви); фрагменты алтаря для падуанского собора Иль Санто (Святого Антония); поздние рельефы кафедр того же Сан Лоренцо (впрочем, завершённые учениками мастера).

До наших дней дошли несколько рельефов с изображением Мадонны с Младенцем, приписываемые мастеру и ставшие предметом долгого научного спора: какие из них действительно принадлежат Донателло и его школе. При желании можно сравнить четкую ритмичную ограду в бронзовой «Мадонне Челлини» из Лондона (выполненной до 1456 года) с легким намеком на балюстраду (на нее опирается Мария) в «Мадонне» собрания Ханса. При этом у «Мадонны» Ханса нежно округлое лицо, сравнимое скорее с «мраморными» лицами Донателло; головки ангелов даны обобщенными чертами. Словом, всем, кто обожает сопоставлять формы рук Марии или трактовку складок одежды в произведениях Донателло, — прямая дорога в Гамбург.

«Благословляющий Христос» из собрания гамбургской галереи привлечет в этот старый ганзейский порт любителей Беллини. Тема, далеко не последняя в творчестве художника. Его знаменитый «Благословляющий Христос» в Лувре — нежный, растерянный и измученный — благословляет прежде всего своим страданием, тогда как трактовка «гамбургского» образа скорее отсылает нас к позднему величаво печальному «Христу-Спасителю» Андреа Мантеньи, творческий спор с которым был важен для ранних лет Беллини. **Д.А.**